

М.И. Суханова*

КОНЦЕПЦИЯ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. В качестве методологического подхода к исследованию массового политического сознания статья предлагает концепцию структуры общественного сознания и основанную на ней классификацию методов исследования. Концепция выделяет разные уровни общественного сознания: уровень поверхностных оценок и настроений и уровень глубинных культурно-ценностных ориентаций. Каждому уровню общественного сознания соответствует собственный набор методов. Изучение ценностного уровня позволяет выйти за рамки отслеживания сиюминутных колебаний настроений населения, выявляя противоречия и ценностные разломы в общественном сознании, диагностируя его критические состояния, определяя тренды его изменений.

Ключевые слова: уровни общественного сознания; аномия; ценности; реальный гуманизм.

M.I. Sukhanova

Concept of public consciousness' structure as a research tool of mass political consciousness

Abstract. The article suggests a concept of public consciousness structure as a methodology approach and a congruent classification of research methods for studying

* **Суханова Маргарита Иосифовна**, кандидат политических наук, заместитель декана, доцент кафедры истории политических учений факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), e-mail: soukhanova@gmail.com

Sukhanova Margarita, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Faculty of Political Science, Department of History of political Doctrines (Moscow, Russia), e-mail: soukhanova@gmail.com

mass political consciousness. The approach separates different levels of public consciousness – the one of surface assessments and attitudes and the other of deep values orientations. The study of the values allows to go beyond monitoring short-term fluctuations in public sentiments. It helps to reveal contradictions and value gaps in the public consciousness, to diagnose its critical moments and to determine trends of its changes.

Keywords: levels of public consciousness; anomia; values; real humanism.

Публикации 2014–2016 гг., посвященные анализу результатов исследований массового сознания, выявляют интересный феномен. Их авторы единодушно признают последние два года переломными, завершившими один глобальный период в состоянии российского общественного сознания и открывшими другой. Также единодушно отмечается наличие в общественном сознании кризисных характеристик: травмированности, антиномии, аномии, ценностной неструктурированности, отчуждения, потери самоидентификации, фрустрации, одномерности и унификации мнений. При этом анализ, выводы и, главное, прогнозы относительно состояния сознания россиян и социума нередко принимают полярный характер.

А. Левинсон, Ж. Тощенко и Е. Шестопал считают одним из самых тревожных синдромов нарастание признаков аномии [Левинсон, 2015. Тощенко, 2016; Шестопал, 2014]. Аномией исследователи называют не смену или упразднение норм как таковых, а неуверенность граждан относительно господствующих норм, выбора верной модели поведения [Swader, 2013]. По мнению А. Левинсона, аномия – не новое для нашей истории явление, но особенность сегодняшней ситуации в том, что она стала политической линией власти и горячо поддержана обществом, отменены санкции за нарушение норм: «Номинально нормы продолжают существовать; возможно их соблюдение, но возможно и их безнаказанное нарушение. Такие ситуации массового безнаказанного нарушения норм встречаются вообще и встречались, в частности, в минувшие годы, что отмечено широким распространением слова и понятия “беспредел”» [Левинсон, 2015, с. 48].

Кризисные характеристики состояния общественного сознания отмечают и другие исследователи. По мнению Н. Тихоновой, дисбаланс «должного» и «сущего», ощущение «неправильности» происходящего ведут к нарастанию отчуждения, атомизации общества, потере самоидентификации со страной. Этот разрыв ощущается в массовом сознании как отсутствие справедливости и яв-

ляется его наиболее острой болевой точкой [Тихонова, 2015, с. 56–58]. По мнению Ж. Тощенко, современное российское общественное сознание характеризуют прежде всего травма и антиномия, ведущие к дезориентации и дезорганизации [Тощенко, 2015, с. 19].

Причиной данного состояния признается то, что российская политика все более дистанцируется от реальной жизни, виртуализируются политические образы (по большей части телевизионные), отрываются от реальных интересов людей, становятся все более неустойчивыми, стереотипными и иррациональными [Тощенко, 2015; Образы Евросоюза... 2016]. Сознанию современного российского общества свойственна ценностная неструктурированность, что является признаком аномии и «грозит подорвать духовное здоровье нации на долгие годы» [Шестопал, 2014, с. 62]¹.

О тяжелой травме общественного сознания, состоянии раздвоенности говорят Э. Паин, Л. Гудков, Ж. Тощенко [Паин, Гудков, 2014; Тощенко, 2015]. В представлениях людей уживаются диаметрально противоположные суждения. Задет глубокий уровень коллективных представлений о прошлом и будущем, что приводит к массовой фрустрации. Российская идентичность проявляется только как негативная, массовое сознание неспособно сформулировать позитивные самоопределения без факторов непрекращающейся борьбы с противниками России. Интеграция общества и консенсус с властью, характерные для сегодняшнего дня, достигнуты «за счет крайней примитивизации или даже архаизации массового сознания, отбрасывания общества к предшествующим фазам социально-политической и культурной эволюции: «Главный фактор этой негативной солидарности – антизападный рессантимент, резкое усиление антизападных настроений» [Гудков, 2015, с. 39].

В последние годы российское общество демонстрирует невиданное единство и воодушевление, в основе которого – консолидация вокруг власти против внешнего врага, агрессивный антиамериканизм, актуализированный кампанией «истерической мобилизации» в атмосфере противостояния с США и другими за-

¹ Высокий уровень аномичности сознания российских граждан отмечался социологами и ранее. По данным опросов Всемирного исследования ценностей, в 2005 и 2011 гг. в России зафиксирован один из самых высоких уровней аномии по сравнению с другими постсоциалистическими и развивающимися странами [Шестопал, 2014, с. 63].

падными странами [Гудков, 2015, с. 30]. В этом единении участвуют практически все социальные категории россиян: «Чувство причастности к величию державы – фактически единственное условие осознания коллективности в России, поскольку никакая другая солидарность, кроме “великой государственной”, не обеспечивает консолидацию доминирующего большинства – ни культура, ни благосостояние, ни история, ни конфессиональная принадлежность. Воодушевляющее отдельных индивидов чувство единства нации возможно лишь при условии утверждения ее величия, демонстрации ее превосходства над другими. Главный аргумент здесь – военная сила, ядерное оружие. Именно сознание военной мощи страны компенсирует хроническое чувство повседневного унижения, бедности, зависимости от произвола власти, несправедливости социального порядка, зависти, которые мучают отдельного “маленького человека”» [там же, с. 42].

Консенсус по поводу травмированного состояния, аномии общественного сознания сопровождается широким спектром полярных интерпретаций результатов исследований, выводов и прогнозов. Данный феномен как нельзя лучше соответствует противоречивому, «разорванному сознанию», характерному как для научного сообщества, так и для современного российского общества в целом.

Некоторые авторы рисуют мрачную, практически апокалипсическую картину социума, жаждущего войны, стремящегося к самоуничтожению, неспособного раздвинуть горизонт замкнутого в себе и в прошлом настоящего и сформулировать проект будущего.

В сознании россиян одновременно живут «страх войны» и «жажда войны»: «Российское массовое сознание за многие десятилетия ни разу так сильно не боялось войны и так далеко не заходило, самозабвенно играя в нее» [Левинсон, 2015, с. 46]. Такое состояние, по мнению автора, является следствием аномии, стремления жить по законам военного времени, которое спишет все – в первую очередь эрозию нравственных норм и ориентиров. Массовое сознание, породившее новые формы двоемыслия¹, раздвоение планов

¹ Подобные формы двоемыслия, на наш взгляд, не новы. Двоемыслие было характерно и для советского времени: высказывания и поведение в духе официальной идеологии резко расходились с частной жизнью, сопровождаемой иными мыслями, словами и делами. Об этом писал, в частности, Ю. Левада [Левада, 2000 а, b].

существования на «официальный», для чужих, и «реальный», для своих, А. Левинсон называет «гибридным», порожденным «гибридной политикой» и «гибридной войной» [Левинсон, 2015, с. 46]: «Тренд государственной политики современной России – порождать и поддерживать режим противостояния с внешним врагом, что оправдывает в глазах населения всякого рода отклонения от закона и прямые его нарушения со стороны бюрократии, т.е. делает позволительным ее произвол не как исключение и эксцесс, а как нормальный способ правления в ненормальных условиях» [там же, с. 51].

Л. Гудков и А. Левинсон говорят о феномене абортированного будущего – о болезненном состоянии общественного сознания, для которого характерно мифологическое, замкнутое в себе восприятие времени, невозможность оперировать ближайшим будущим. Отсутствует идеал, созидательный проект будущего. Идея особого пути, поддерживаемая большинством россиян¹, характеризуется Б. Дубиным как способ компенсации слабости социальных структур общества, их неспособность заполнить нехватку идеалов и ценностей, неспособность преодолеть барьер между современностью и будущим [Дубин, 2004, с. 313].

Место созидательного проекта будущего занимают фантомы – либо образ мифического прошлого, конструируемый из идеологических соображений с целью легитимации архаичных институтов власти («консервативные фантомы неотрадиционализма, суррогатного прошлого» [Гудков, 2015]), либо суперутопии, супераномии («когда отменяются нормы, в том числе нормы здравого смысла: все враги России сами собой исчезают, и Россия торжествует над миром» [Левинсон, 2015, с. 49]).

Другие авторы, отмечая кризисные явления в общественном сознании, вместе с тем приводят более оптимистические данные.

Согласно исследованию Е. Шестопал, в 2000-х годах общество консолидировалось не на базе ценностного консенсуса, а исключительно вокруг личности президента, которого поддержали самые разные слои населения [Шестопал, 2015]. При этом главные ценности для россиян – безопасность (88,2%), законность (87,4%), права человека (87,5%), мир (81,2%). Третью строчку в рейтинге ценностей заняли права человека, что исследователь расценила как

¹ О том, что Россия станет процветающей страной только за счет своей самобытности, в ноябре 2014 г. говорили 77% россиян [Общественное мнение, 2015].

настоящую сенсацию. На протяжении всего постсоветского периода, за исключением начала 1990-х годов, эта ценность находилась на периферии системы представлений наших граждан [Шестопал, 2014]. Данные же конца 2015 г. свидетельствуют о том, что на рациональном уровне респонденты симпатизируют демократическим ценностям ЕС, а также идеям открытого экономического пространства и действенности европейского права [Образы Евросоюза... 2016].

Н. Тихонова выяснила, что наиболее значимы для россиян мечты о мире и справедливости [Тихонова, 2015, с. 59], причем в основе представлений о справедливости лежат принципы равенства возможностей и равенства всех перед законом, что вполне укладывается в либеральную модель общественного устройства [там же, с. 60–61]. Вписываются в классические либеральные традиции и представления россиян о государстве, исходящие из договорной, контрактной модели взаимоотношений: «Население не обязано “просто так” повиноваться власти, а готово это делать лишь в том случае, если власть, со своей стороны, будет выполнять те функции, которые делегированы ей со стороны общества» [там же, с. 61].

Ряд исследователей высказывают иные точки зрения по вопросу милитаризации сознания. По мнению А. Колесникова, хотя война и стала повседневным фоном сегодняшней российской действительности, *россияне не хотят войны*, а военный дискурс поддерживается властью ради сохранения важнейшей для себя ценности массового сознания – «стабильности», которая трактуется как способ избежать «настоящей», ядерной войны: «Горячая, холодная, гибридная, информационная, торговая войны ведутся под аккомпанемент старой советской поговорки “Лишь бы не было войны”. И здесь нет парадокса. Потому что люди имеют в виду войну “большую”, войну между державами. Все кампании последнего времени считаются лишь боевыми операциями, направленными на предупреждение “большой” войны» [Колесников, 2016].

О сложном механизме актуализации военной темы говорит и И. Клямкин: «В исторической памяти и культуре сохраняется предощущение войны, но как страха перед ней, а не ее предвкушения. А актуализируется это предощущение по мере надобности властями, которые возникающий время от времени дефицит доверия к себе восполняют презентацией себя как единственных надежных защитников от внешних угроз» [Клямкин, 2016].

Столь серьезное расхождение в оценке одних и тех же явлений обусловлено, на наш взгляд, не столько различиями в позициях авторов (что, конечно, тоже имеет место), сколько упрощением и смешением различных проявлений общественного сознания. Для объективной интерпретации результатов исследовательской работы необходимо понять, с какими из этих проявлений мы имеем дело в каждом конкретном случае, анализируем ли мы поверхностные настроения, спонтанные оценки происходящих событий или глубинные ценностные ориентации. Такого рода анализ не должен допускать упрощений, тотальных обобщений и экстраполяции выводов.

Б.А. Грушин, Ш. Берман, И.М. Клямкин и А.П. Страхов используют методологию структурирования общественного сознания [Berman, 2001, p. 242; Грушин, 2001, с. 32; Клямкин, 1993, с. 50; Страхов, 2001, с. 69]. Авторы выделяют уровни (слои, блоки) сознания – текущие настроения и глубинные ценностные ориентации¹. Данный подход был использован при разработке используемой в данной работе концепции структуры общественного сознания.

Концепция структуры общественного сознания

Процессы и реакции, протекающие в сознании людей и реализующиеся в их политическом поведении, можно разделить на три группы – назовем их уровнями общественного сознания.

Первый уровень определяется бессознательными, первичными биологическими потребностями человека: голодом, инстинктами самосохранения и продолжения рода. Первичные мотивации, будучи самыми сильными, практически не связаны с

¹ Б. Грушин выделяет следующие уровни сознания: 1) «моментальные, меняющиеся от раза к разу характеристики (связанные с отношением людей к отдельным, “точечным” объектам действительности)»; 2) «глубинные устойчивые свойства, проявляющиеся одновременно в отношении ко многим объектам, или “предметным рядам”, по поводу которых высказываются массы» [Грушин, 2001, с. 32]. Ш. Берман говорит о внешних и внутренних установках и ограничениях, формирующих политическое поведение [Berman, 2001, p. 242]. А. Страхов, анализируя механизмы электорального выбора, выделяет культурно-исторические (социокультурные) детерминанты и общественные настроения, обусловленные особенностями текущего политического процесса [Страхов, 2001, с. 69]. И. Клямкин пишет о верхнем, «телевизионном», слое сознания и более глубоких его пластах [Клямкин, 1993, с. 50].

политическими и культурными установками и более всего зависят от внешних факторов.

Второй уровень – ценностные, культурные ориентации, впечатления от происходящих событий, пропущенные через призму культурных установок, личного опыта и коммуникации. Характерный пример – принятые в обществе представления о морали, политическом устройстве, общественных отношениях.

Третий уровень – это текущие впечатления жизни, спонтанные оценки происходящих событий.

В ходе принятия решения или выбора модели поведения процессы, протекающие на разных уровнях, безусловно, пересекаются и влияют друг на друга. Тем не менее существует возможность проследить преимущественное проявление каждого из уровней. Для управления общественным сознанием, направления политического поведения в нужное русло представители власти (как и бизнесмены при стимулировании спроса) используют приемы, специфические для активизации реакций каждого из уровней. Главным инструментом воздействия на всех уровнях выступают средства массовой коммуникации, в первую очередь СМИ и особенно телевидение – основной источник информации для большинства граждан России.

Человек наиболее уязвим, когда для управления им используются первичные мотивации. Страх – практически безотказное средство массовой мобилизации. Когда жизни человека, его семье, детям угрожает опасность, *все* культурные, политические и другие установки отступают на задний план. Поведением управляет только инстинкт самосохранения. Примеры проявления первичных мотиваций легко найти везде – взять хотя бы массовую поддержку недемократических методов в ходе обеспечения безопасности в США после взрывов 11 сентября 2001 г.

В ходе воздействия на первый уровень общественного сознания работают нерациональные механизмы восприятия и принятия решений, в том числе политических: бессознательные и эмоциональные. Эти механизмы приобретают особенное значение в условиях нестабильности, неуверенности, дезориентированности граждан [Шестопал, 2015]. Именно такие механизмы работали осенью 2013 – зимой 2014 г. во время драматических событий на Майдане в Киеве. Откровенные картины агрессии и разрушения несколько месяцев транслировались всеми основными российски-

ми телеканалами. Благодаря этим сюжетам события на Майдане в сознании российских граждан оказались прочно связанными с насилием и войной.

Неистребимый страх войны, особенно гражданской [Колесников, 2015; Клямкин, 2015], основан на исторической памяти россиян и глубинных биологических инстинктах самосохранения. Этот страх в значительной степени заблокировал возможности рациональной оценки событий на Майдане и позднее – на востоке Украины.

Достаточно легко поддается воздействию и третий уровень. Индустрия массовых коммуникаций работает на то, чтобы изложить происходящие события в нужном свете, произвести запрограммированное впечатление, спровоцировать определенные оценки. Человеку бывает нелегко или некогда разобраться, где истина, а где ложь и манипуляция. Особенно успешно такое воздействие реализуется при одновременной активации бессознательных ориентаций первого уровня.

Под влиянием массивированной телевизионной пропаганды сегодня сформирована атмосфера «осажденной крепости» и конфронтации, «военная» повестка дня. То, что данные настроения слабо рационализированы, хорошо иллюстрирует А. Колесников, по словам которого, обычные люди воспроизводят пропагандистские клише «с точностью до запятой, потому что, как правило, не могут самостоятельно сформулировать рациональные основания для милитаризации» [Колесников, 2016].

Следствием воздействия на глубинный и поверхностный уровни сознания стала и отмеченная Л. Гудковым особенность сегодняшнего массового сознания: «Телевизионная пропаганда стерла различия между обеспеченными и нуждающимися, образованными и необразованными, обладающими социальными ресурсами и культурным капиталом и лишенными его. Этот эффект унификации и установления одномерности общественного мнения, сознания, стерилизации способности к пониманию и анализу является самым важным для оценки изменений в российском обществе» [Гудков, 2015, с. 30].

Второй уровень общественного сознания требует особенно изощренных способов воздействия, которые в случае успешной реализации дают стабильные долгосрочные результаты. Это воздействие имеет идеологический характер. Для внедрения в созна-

ние нужных идеологем, коррекции под их влиянием ценностных ориентаций и культурных установок могут применяться террор как способ мобилизации, пробуждающий инстинкт самосохранения, и массовая пропаганда как средство моделирования спонтанных оценок происходящих событий. Преуспевшие в управлении массовым поведением тоталитарные режимы умело воздействовали на все три уровня одновременно.

Сегодняшнему моменту свойственна не идеологизация, а мифологизация сознания¹. С помощью агрессивной пропаганды в массовое сознание внедряются не идейные установки, а откровенные мифологемы. Данный процесс характерен как для России, так и для стран-оппонентов, и практически зеркален в плане используемых методов. Э. Соловьев говорит в связи с этим о «феномене зеркальной идеологической симметрии» [Соловьев, 2016]², а Г. Мусихин – об «идеологизированной мифологизации» [Мусихин, 2015, с. 104]. По мнению последнего, под воздействием «идеологизированной мифологизации» люди могут массово впадать в иррационализм, «мысля как будто бы рационально, а значит, выстраивая вполне рациональные доводы обоснования и способы осуществления иррациональных устремлений (например смысл и методы “красного террора” или “окончательное решение еврейского вопроса”)» [Мусихин, 2015, с. 104]. Миф не подлежит верификации, он в принципе не нуждается в критериях достоверности и объективности. Одна из основных функций политического мифа – упрощение действительности с целью снизить страхи и тревоги перед сложностью современного мира [Мусихин, 2015, с. 114].

Современная российская власть, как и ранее советская, широко использует практики мифологизации сознания: «И в наше время, и в сталинское, и в позднее советское время мы имеем дело с инструментальным использованием культурных значений, символов, наспех созданных мифов, для легитимации системы власти» [Культура имеет значение, 2015].

¹ Можно назвать данный феномен и идеологизацией, если понимать идеологию как «ложное сознание» в негативной коннотации марксистской традиции. Мы предлагаем исходить из нормативно нейтрального определения Карла Мангейма, видевшего в идеологии социально значимый комплекс идей [Мангейм, 1994].

² Э. Соловьев придерживается марксистского понимания термина «идеология».

Травмированное, антиномичное российское сознание под воздействием мифологизации порождает фантомы¹ общественного сознания и поведения [Тощенко, 2015, с. 63]. Влияние данных процессов носит в основном деструктивный характер, реальная жизнь оказывается подчинена умозрительным построениям, конфронтирующим с нею. Мифы и фантомы блокируют рациональный анализ реальных проблем и разработку адекватных поведенческих практик, подменяют собой действительность.

Исследования общественного мнения: Проблема выбора метода

Для изучения каждого уровня общественного сознания применяются свои методы исследования. В соответствии с объектом и задачами исследования разнообразные методики изучения общественного мнения можно разбить на три большие группы: 1) опросы общественного мнения (ОМ); 2) мониторинговые исследования ОМ; 3) углубленные интервью и разовые или повторяющиеся (мониторинговые) аналитические исследования политико-культурных общественных установок (табл. 1).

Таблица 1

Структура общественного сознания

Уровни общественного сознания	Возможности манипуляции	Методы исследования общественного мнения
I. Первичные бессознательные мотивации (голод, инстинкты самосохранения и продолжения рода)	Используются как средство для массовой мобилизации или подавления	Данные, демонстрирующие степень удовлетворения первичных потребностей (медицинские данные, данные о питании, показатели безопасности)
II. Ценностно-культурные ориентации, в том числе политическая идеология	Поддаются устойчивому воздействию в случае насаждения новой идеологии	Аналитические исследования, выявляющие ценностные установки человека (углубленные интервью, массовые аналитические опросы)
III. Спонтанные оценки текущих событий	Являются основным объектом манипуляции	Опросы общественного мнения (мониторинги, экспресс-опросы и т.д.)

¹ Под фантомами Ж. Тощенко предлагает понимать «явления и процессы, которые олицетворяют специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, оказывающие серьезное влияние на политические, экономические и социальные процессы» [Тощенко, 2015, с. 54].

Группа 1:
экспресс-опросы, разовые опросы общественного мнения

Экспресс-опросы обычно проводятся вслед за каким-нибудь значимым политическим событием. Их цель – выявить реакцию на них населения. К ним можно отнести и рейтинговые опросы, касающиеся отношения людей к политикам. Такого рода исследования (в качестве примера можно привести опросы фонда «Общественное мнение»), пожалуй, наиболее распространены, а их результаты тиражируются в средствах массовой информации. Однако с их помощью можно, образно говоря, снять только самый верхний пласт. Фиксируемые в них оценки и настроения наименее продуманны и самостоятельны и в наибольшей степени смоделированы средствами манипуляции. Хотя, конечно, нередко они пропускаются через фильтр жизненного опыта и культурных установок респондента.

При изучении такого рода исследований общественного мнения продуктивен метод анализа материалов в виде «содержательной редукции», предложенный Б. Грушиным [Грушин, 2001, с. 30]. Метод исходит из того, что опросы общественного мнения косвенно характеризуют состояние массового сознания в конкретный момент времени. Данный метод позволяет диагностировать «состояние здоровья общества», фиксировать возникновение тенденций распада и болезненной неуравновешенности, ориентироваться в поиске путей преодоления критических ситуаций.

Данные большинства ОМ, полученные путем экспресс-опросов, способны лишь выявить вектор спонтанных массовых реакций. Они отражают состояние третьего, самого доступного для анализа и поверхностного уровня общественного сознания – уровня общественных настроений. В зависимости от того, насколько профессионально составлена анкета, каковы ее объем и репрезентативность выборки, данные таких исследований могут вполне объективно охарактеризовать общий фон, перемены в общественном настроении, различия между социальными группами. Они могут быть достаточно информативны для анализа отношения населения к различным институтам, к государственной политике, к своему собственному состоянию – другими словами, служить для власти своеобразным барометром общественного состояния.

В то же время эти исследования не затрагивают второго уровня общественного сознания и не выявляют его глубинных культурно-ценностных детерминант. На деле же данные таких исследований часто привлекаются для объяснения социокультурных сдвигов или других тенденций, которые не могут быть проанализированы с помощью названных методов.

Группа 2: мониторинговые исследования

Мониторинговые исследования – это повторяющиеся с определенной периодичностью опросы ОМ. Поскольку вопросы анкеты и выборка респондентов в ходе них не меняются, это дает возможность проследить тенденции изменения общественного мнения в период между волнами исследования. Данные мониторинга безо всяких оговорок пригодны для сравнения и сопоставления. Такого рода исследования много лет проводятся Левада-центром.

Анализ данных, полученных в ходе многолетних мониторинговых опросов, дает богатый материал для характеристики публичной сферы в определенные моменты времени. Он также дает основания предполагать наличие социокультурных сдвигов, стоящих за изменениями общественных настроений. Именно предполагать, но не утверждать – подтверждение этих предположений требует особого рода исследований.

Особенно информативны тематические мониторинговые исследования, позволяющие проследить изменение общественных настроений по поводу какого-либо явления, например отношения граждан к власти, государственным институтам, экономическим или политическим преобразованиям. При определенных условиях такие исследования способны помочь раскрытию механизма манипуляций общественными настроениями.

В то же время в специальной общественно-политической литературе довольно распространены случаи использования данных мониторинговых опросов ОМ для теоретических построений о глубинных ценностно-культурных ориентациях народа, его ментальности. Нередко на базе таких построений делаются выводы об особом пути развития России, о невозможности или, наоборот, необходимости проведения экономических или политических реформ. Такой подход весьма рискован и чреват ложными выводами.

На наш взгляд, изучение состояния системы ценностей, ее цельности или противоречивости требует более глубокого осмысления и специальных методов исследования.

***Группа 3: аналитические массовые опросы
(мониторинги), углубленные интервью***

К третьей группе методов исследования массового сознания относятся углубленные аналитические исследования ценностно-культурных ориентаций. Использование такого типа методов направлено на изучение второго, самого труднодоступного, уровня массового сознания – уровня ценностно-культурных детерминант. Такие исследования могут проводиться в форме углубленных интервью и аналитических массовых опросов, например многолетние исследования Центра социокультурных изменений Института философии РАН под руководством Н. Лапина¹ и кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ под руководством Е. Шестопал.

Хотя на основе углубленных интервью нельзя делать выводы о массовых общественных явлениях, они позволяют выявить индивидуальные ценностные установки и проследить механизмы формирования политического выбора у отдельных представителей социальных групп. С их помощью можно зафиксировать наметившиеся изменения ценностных ориентаций. Качественная форма исследования позволяет проанализировать состояние общественного сознания, его «болевые» точки и точки «роста», увидеть тенденции изменений, их направленность и характер, поставить задачи, решение которых способно облегчить болезненность проходящих в обществе процессов.

Массовые аналитические опросы дают возможность определить особенности социокультурных установок у разных социальных групп и у общества в целом. Исследования подобного рода дают углубленную информацию о понимании людьми определенных ценностей, их предпочтений относительно устройства государства и типа правления, представлений об этом типе и т.п. Осо-

¹ Начиная с 1990 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН проведено семь волн всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России».

бенно информативны в этом отношении мониторинговые исследования ценностных ориентаций. В этом случае возможно проследить тенденции изменения ценностных предпочтений, попытаться сделать прогноз относительно перспектив развития общества и успешности проведения в жизнь того или иного политического курса. Такие исследования способны помочь выяснению ценностных установок людей и глубинных мотивов их действий.

Глобальные мониторинговые исследования ценностей проводятся в рамках таких международных проектов, как Европейское социальное исследование (European Social Survey)¹ и Всемирное исследование ценностей (World Values Survey)². Из фундаментальных работ зарубежных исследователей в этом направлении следует упомянуть труды Ш. Шварца и Р. Инглхарта, в которых разрабатываются модели структуры ценностей [Schwartz, Ros, 1994; Schwartz, 2003; Refining the theory... 2012], типология ценностей, ценностные тренды на фоне социальных трансформаций, страновые и региональные сравнения [Inglehart, 1997; 2004; 2008].

Результаты такого рода исследований порой идут вразрез с распространенными стереотипами. Например, по данным Европейского социального исследования, в России, вопреки бытующему представлению о коллективизме ее жителей, более высоко, чем в Европе, представлены индивидуалистические ценностные классы [Магун, 2015, с. 86].

Из отечественных исследований следует упомянуть работы Н. Лапина и Е. Шестопал, которые позволяют определить направление развития приоритетов общественного сознания, выявить противоречия и точки разрыва в фундаментальных ценностных ориентациях, оценить перспективы достижения общественного консенсуса по важнейшим политическим вопросам.

Подход Е. Шестопал, анализирующей политическое восприятие на рациональном и бессознательном уровнях с учетом эмоциональных когнитивных и поведенческих компонентов, позволяет при интерпретации данных избежать преувеличения роли третьего (поверхностного) уровня сознания. В частности, проведенное ею исследование образа Евросоюза в сознании российских граждан показало: «Контекст определяет критическое восприятие, но при

¹ European social survey. – Mode of access: <http://www.europeansocialsurvey.org/>

² World values survey. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/>

этом респонденты не видят альтернативы отношениям добрососедства и партнерства, в большинстве своем ощущая себя частью Европы» [Образы Евросоюза... 2016, с. 22]. На рациональном уровне россияне продолжают симпатизировать общедемократическим европейским ценностям.

В работах Н. Лапина предпринята попытка найти основы для общенационального российского консенсуса. В качестве приоритетных для населения, но не решаемых властью задач он называет создание новых рабочих мест, улучшение медицинского обслуживания, наведение порядка, борьбу с криминалом и коррупцией, усиление государственного контроля над экономикой. Исследователем диагностированы признаки социогуманитарной рецессии: за десять лет (2006–2015) заметно снизились поддержка современных ценностей (независимость, свобода, инициативность), коэффициент самостоятельности граждан при решении жизненных вопросов, а также индексы социального самочувствия и соблюдения прав человека (в том числе наиболее важных для населения – равенства перед законом, безопасности и защиты личности, права на труд) [Лапин, 2016, с. 28].

По мнению Н. Лапина, для выхода из кризисного состояния, преодоления тупиков агрессивной негативной солидарности российское общество нуждается в гуманистическом идеале, основанном на ценностном консенсусе. В качестве такого идеала он предлагает концепцию реального гуманизма [Лапин, 2015 а; 2015 б; 2016].

Ученый представляет иерархию базовых ценностей населения различных регионов и макрорегионов России: «Основную альтернативу этой иерархии, ее верхний и нижний уровни образуют: консолидирующий гуманизм (ценности жизни, семьи, общения, законности), который имеет наибольшую поддержку (около 80%), и авторитарная вседозволенность (ценность власти) с минимумом поддержки (до 20%). В сочетании с триадой фундаментальных ценностей цивилизации (жизнь, ненасилие, достоинство человека) получаем пентаду (пентаграмму) базовых ценностей цивилизационного выбора России, которые могут ориентировать эволюцию России в направлении реального гуманизма»¹ [Лапин, 2016, с. 27].

¹ Реальный гуманизм – марксистский концепт, обозначающий общественное устройство, отвечающее интересам всех трудящихся. Его применение к современным российским реалиям Н. Лапин обосновывает тем, что его базу составляют три фундаментальных ценности: жизнь человека, человеческое достоинство и ненасилие [Лапин, 2015 а].

Главной задачей концепции реального гуманизма Н.И. Лапин считает утверждение достоинства человека. Этому должна послужить постепенная гуманистическая модернизация, способная преодолеть уродливые иерархии и центр-периферийные разрывы в пространстве страны¹, выровнять социальные, экономические, культурные характеристики различных территорий. Основой государственной политики должна стать «минимакс-стратегия повышения благополучия населения: минимизации человеческих бед и, по возможности, увеличения социокультурных благ, жизненно значимых для максимального числа населения» [Лапин, 2016, с. 30, 31].

Анализируя состояние общественного сознания, необходимо учитывать не только данные исследований общественного мнения и социально-экономические показатели условий жизни людей, но и их реальные политические и экономические практики. Рекордно низкая явка избирателей на выборах в Госдуму седьмого созыва (менее 48%) опровергает утверждения о единодушной поддержке гражданами действующей власти. Дезориентированное сознание, неспособное к рациональному выбору, склоняется к политическому абсентеизму. Реальные практики россиян строятся на скептицизме по отношению к власти, вынужденном индивидуализме и опоре на собственные силы.

¹ Для объективного анализа состояния общественного сознания, оценки протекающих в нем процессов и прогнозирования политического поведения необходимо также сопоставлять данные опросов с социально-экономическими показателями. В частности, в последние годы на фоне экономического спада и снижения доходов населения граждане России вновь вернулись к механизмам поведения, ориентированным на «понижающую адаптацию» [Левинсон, 2015]. В 2014 г. численность населения с доходами ниже прожиточного минимума составляла 16,1 млн человек, в первом квартале 2015 г. – 22,9 млн. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума после снижения в 2012–2013 гг. к 2015 г. резко выросла. На сегодня только 25% населения России можно отнести к благополучным и еще 15–20% – к условно благополучным [Мареева, 2016, с. 41, 45]. Следует также учитывать глубокие различия между регионами России (иерархию регионов [Лапин, 2015]), равно как и между разными типами поселений внутри регионов (центр-периферийная модель российского пространства, иерархическая система поселений) – от наиболее модернизированных городских до патриархальных сельских [Зубаревич, 2016]. Различия между условиями и образом жизни в различных типах настоль велики, что носят практически цивилизационный характер. Это не может не сказываться как на политических настроениях, так и на ценностных установках.

Выводы

1. Использование концепции структуры общественного сознания при анализе данных исследований общественного мнения позволяет отделить оценки и настроения, обусловленные бессознательными первичными мотивациями и спонтанными поверхностными настроениями, от глубинных культурно-ценностных ориентаций.

2. Выбор метода исследования должен быть четко согласован с поставленной задачей. Исследованию каждого уровня общественного сознания соответствует свой набор методов. При интерпретации результатов исследований необходимо учитывать также объективные социально-экономические показатели условий жизни респондентов.

3. Недопустима экстраполяция результатов исследования поверхностного уровня общественного сознания на объяснение состояния глубинного уровня ценностных ориентаций. При условии использования адекватных методов изучение ценностного уровня позволяет диагностировать критические состояния сознания, определить направление трендов его изменений, проследить противоречия и точки разрыва в фундаментальных ценностных ориентациях, оценить перспективы достижения общественного консенсуса по важнейшим политическим вопросам.

Список литературы

- Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4 книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. – М.: Прогресс-традиция, 2001. – 624 с.
- Гудков Л. Структура и функции российского антиамериканизма: Фаза мобилизации 2012–2015 года // Вестник общественного мнения. – М., 2015. – № 3–4 (121), июль – декабрь. – С. 15–44.
- Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. – М.: Новое издательство, 2004. – 313 с.
- Зубаревич Н.В. Четыре России и новая политическая реальность. – М., 2016. – 17 января. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (Дата посещения: 17.09.2016.)
- Клямкин И. Исторические маршруты «государства-армии». Милитаризация повседневности – это когда мирная жизнь выстраивается по военному образцу //

- Независимая газета. – М., 2016. – 26 апреля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/stsenarii/2016-04-26/9_military.html (Дата посещения: 18.09.2016.)
- Клямкин И.М.* Политическая социология переходного общества // Полис. Политические исследования. – М., 1993. – № 4. – С. 41–64.
- Колесников А.* Хотят ли русские войны. Война и террор в восприятии россиян. – М., 2016. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2016/03/21/ru-63077/ivnz> (Дата посещения: 18.09.2016.)
- Коломейцев Н.В.* Безопасна ли экономика России на современном этапе // Коммунистическая партия Российской Федерации. – М., 2015. – 25 декабря. – Режим доступа: <https://kprf.ru/ros crisis/150196.html> (Дата посещения: 17.09.2016.)
- Культура имеет значение: Факты, оценки, прогнозы / Фонд «Либеральная миссия». – М., 2015. – 8 апреля. – Режим доступа: <http://liberal.ru/articles/6747> (Дата посещения: 16.09.2016.)
- Лапин Н.И.* Дистанции между модернизированностью макрорегионов и этапы интегрирующей модернизации России // Социологические исследования. – М., 2015. – № 3. – С. 45–55.
- Лапин Н.И.* Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования. – М., 2016. – № 5. – С. 23–34.
- Лапин Н.И.* Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 1: Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. – М., 2015 а. – № 4. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1137&Itemid=52 (Дата посещения: 17.09.2016.)
- Лапин Н.И.* Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть 2: Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. – М., 2015 б. – № 6. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1176&Itemid=52 (Дата посещения: 17.09.2016.)
- Левада Ю.А.* Человек лукавый: Двоемыслие по-русски // От мнений к пониманию. – М.: Московская школа политических исследований, 2000 а. – С. 508–529.
- Левада Ю.А.* Векторы перемен: Социокультурные координаты изменений // От мнений к пониманию. – М.: Московская школа политических исследований, 2000 б. – С. 10–23.
- Левинсон А., Гончаров С.* Война вместо будущего – выход для аномического сознания // Вестник общественного мнения. – М., 2015. – № 3–4 (121), июль – декабрь. – С. 45–66.
- Логинов В.Т.* Столыпин как реформатор // Кто и куда стремится вести Россию? Материалы восьмого международного симпозиума «Куда идет Россия». – М.: МВСПЭН, 2001. – С. 31.
- Магун В., Руднев М., Шмидт П.* Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. – М., 2015. – № 3–4 (121), июль – декабрь. – С. 43–93.
- Мангейм К.* Идеология и утопия // К. Мангейм. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 7–275.

- Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. – М., 2016. – Т. 25, № 2. – С. 37–67.
- Муслихин Г.И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественные науки и современность. – М., 2015. – № 5. – С. 102–117.
- Образы Евросоюза в России: Проблемы восприятия / Шестопал Е.Б., Губченко В.А., Джамалудинов Ш.З., Джгамадзе К.Б., Тумысов И.А. // Полис. Политические исследования. – М., 2016. – № 3. – С. 12–24.
- Общественное мнение – 2015. – М.: Левада-центр, 2016. – 307 с. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/02/OM20151.pdf> (Дата посещения: 18.11.2016.)
- Паин Э., Гудков Л. В ожидании чуда: Российское общество после крымских событий: Беседа политолога Эмиля Паина и социолога Льва Гудкова // Политическая концептология. – Ростов-на-Дону, 2014. – № 1. – С. 69–74.
- Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий: Проспект доклада на «Общественном семинаре». – М., 2016. – Режим доступа: http://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2016/07_06_2016_soloviev.pdf (Дата посещения: 17.09.2016.)
- Страхов А.П. Социокультурные детерминанты и общественные настроения в России // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2001. – № 1. – С. 69–77.
- Суханова М.И. Анализ приоритетов общественного сознания: Методологический подход // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. – Астрахань, 2007. – № 2. – С. 35–40.
- Тихонова Н.Е. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: Можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. – М., 2015. – № 1. – С. 52–63.
- Тоценко Ж.Т. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.
- Шестопал Е.Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Полис. Политические исследования. – М., 2015. – № 1. – С. 136–150.
- Шестопал Е.Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. Политические исследования. – М., 2014. – № 2. – С. 61–71.
- Berman Sh. Ideas, norms, and culture in political analysis // Comparative politics. – N.Y., 2001. – Vol. 33, N 2. – P. 231–250.
- Inglehart R.F. Changing values among western publics from 1970 to 2006 // Western European politics. – New Haven, 2008. – N. 31. – P. 130–146.
- Inglehart R., Oyserman D. Individualism, autonomy, self-expression. The human development syndrome // International studies in sociology and social anthropology. – Leiden; N.Y., 2004. – P. 74–96.
- Inglehart R. Modernization and postmodernization: Cultural, economic, and political change in 43 countries. – Princeton, N.J.: Princeton univ. press, 1997. – 453 p.
- Refining the theory of basic individual values / Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M.,

- Lönnqvist J.E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. // *Journal of personality and social psychology*. – Washington, 2012. – Vol. 103, N 4. – P. 663–688.
- Schwartz S.H.* Mapping and interpreting cultural differences around the world // *Comparing cultures, dimensions of culture in a comparative perspective* / H. Vinken, J. Soeters, and P. Ester (eds.). – Leiden, Netherlands: Brill, 2003. – P. 43–73
- Schwartz S.H., Ros M.* Values in the West: A theoretical and empirical challenge to the individualism-collectivism cultural dimension // *World psychology*. – San Marcos, TX, 1994. – Vol. 1. – P. 99–122.
- Swader C.S., Kosals L.Y.* Post-socialist anomie through the lens of economic modernization and the formalization of social control // *Working papers by NRU Higher School of Economics. Series SOC «Sociology»*. – Moscow, 2013. – N 17. – P. 2–32.